

Ведь Ли Чжуннань не был небожителем, он не мог предвидеть будущее. Он не знал, что цель стоящего за всем человека заключалась в том, чтобы вызвать волнения среди литераторов, а его попытка спасти Инь Цзючу была лишь интуитивной ставкой. Поэтому волнения всё же начались.

Раньше Сяо Чжоухэн считал, что Ли Чжуннань действительно умен, но он не ожидал, что его интуиция окажется настолько острой. Внезапно он почувствовал, что небеса несправедливы: прекрасная внешность в сочетании с пронизательным умом заставляла задуматься, что Ли Чжуннань и вправду будто сошёл со сказочного дворца Пэнлай.

Теперь Сяо Чжоухэн полностью понял всю глубину заботы Ли Чжуннань, но из-за ареста Инь Цзючу свадьбу пришлось отложить. Памятуя о старых чувствах, Сяо Чжоухэн всё же беспокоился, как Инь Цзючу перенесёт тюремное заключение, и несколько раз наказывал Юй Бочэну не позволять тюремщикам издеваться над ним.

...

Цюй Елян только что проводил Лю Хунцю обратно в его резиденцию, как тут же услышал новость о пропаже Ли Юньдэ.

Цюй Елян понимал, что семнадцатый молодой господин, скорее всего, попал в беду, но больше всего его беспокоило состояние Ли Юньи. Всё, что он мог сделать, — это как можно быстрее вернуться в резиденцию Ли. Войдя внутрь, он, не успев смыть с себя дорожную пыль, схватил служанку и спросил, где находится тот человек. Маленькая служанка, никогда не видевшая Цюй Еяна в таком состоянии, дрожа указала в сторону беседки Санью.

Цюй Елян прищурился, глядя в ту сторону, как вдруг раздался оглушительный гром, и небо затянуло тяжёлыми тучами, обрушившимися ливнем. Служанки в резиденции с криками бросились прятаться под навесы, и только Цюй Елян один шёл сквозь бурю, не обращая внимания на дождь.

Приблизившись, он почувствовал, как звук дождевых капель в его ушах стих, а глаза, залитые водой, сосредоточились только на Ли Юньи, который сидел напротив, играя в шахматы сам с собой. Он наблюдал за игрой, но на самом деле смотрел на него.

Прошло много времени, прежде чем Ли Юньи заметил промокшего до нитки Цюй Еяна. Он улыбнулся, как будто встретив старого друга, и постучал по столу:

— Вэйцзи, ты вернулся.

Ли Юньи выглядел так, будто провёл ночь в кошмарах. Цюй Елян, глядя на его впалые глаза и потускневшие глаза-персики, подумал, что эта улыбка была хуже, чем плач.

Он был таким человеком — никогда ничего не говорил.

Цюй Елян сделал несколько шагов вперёд и сел напротив Ли Юньи, пристально глядя на его бледное, измождённое лицо. Ли Юньи избегал его пронзительного взгляда, его тонкие пальцы сжимали красную шахматную фигуру, но он не мог поставить её на доску — чёрные и белые фигуры уже заполнили поле, и игра зашла в тупик.

Молния осветила лицо Ли Юньи, покрытое слезами; гром заглушил звук шахматных фигур, упавших на пол, когда Цюй Елян резко встал и обнял человека напротив.

Он был так беспомощен всего дважды: пять лет назад, когда Ли Юньи только взял на себя управление резиденцией Ли, он получил первое секретное письмо, в котором говорилось, что Цзяншань Юйи, Нефритовый целитель, погиб при загадочных обстоятельствах, и это было напрямую связано с генералом Ли. С тех пор Ли Юньи и Ли Яньцин стали отдаляться друг от друга. Но на этом несчастья не закончились: в том же году он лично видел, как его двенадцатый брат, Ли Юньмо, упал с обрыва, и его тело так и не нашли, и до сих пор о нём нет вестей.

За эти одиннадцать лет Цюй Елян слышал множество сплетен и пересудов как среди простонародья, так и при дворе, и тем более Ли Юньи. Люди говорили, что он притворяется, хитер, расчётлив, не уважает старших и даже убил своего брата. Но за его опущенными ресницами скрывались невысказанные чувства и бесчисленные терзания, которые Цюй Елян всегда понимал.

Даже если тот никогда не говорил ему об этих лживых словах, он готов был принять на себя всю боль его молчания, потому что всё, что он мог сделать, — это шепнуть тому на ухо:

— Я понимаю.

У тебя есть я, зачем ты так напрягаешься?

Он не из этого мира, а я — гость из преисподней, мы действительно идеально подходим друг другу, — думал Цюй Елян, вытирая слезы с лица Ли Юньи. Ли Юньи всё ещё улыбался, но слёз становилось всё больше, и Цюй Елян, наконец, сдался, перестал вытирать их и, наклонившись, проник своим языком в рот Ли Юньи, одной рукой держа его за затылок, пальцы вплетаясь в его волосы, а другой обнимая его за талию, уже промокшую от дождя.

Их языки встретились и быстро сплелись; губы слились, и они больше не могли разомкнуть их. Ли Юньи обвил руками плечи Цюй Еяна, словно змея, обвившая шею, и отвечал на поцелуй с жадностью.

В такой прекрасный момент, когда они наслаждались друг другом, не стоит думать, что это сон, и не стоит считать, что искренние слова — ложь, чтобы не рождать печаль.

Дождь усилился, пусть он продолжится подольше.

...

Похоронный дом в резиденции редко посещался, не говоря уже о ещё более удалённом дворе к югу от него. Когда он приходил зажечь благовония для госпожи Ю или когда несколько дней назад с Вэй Сяолуань осматривал тело Юй Ин, он обратил внимание на это заброшенное место. Замок на воротах и переплетённые ветви деревьев создавали ощущение настоящего табу.

Здесь не было никаких следов недавнего ливня и грома, и даже если дождь смыл накопившуюся за годы пыль, он не смог стереть забвение, принесённое временем.

А именно это забвение было самым опасным.

Ли Чжуннань легко перелез через стену и, оказавшись внутри, огляделся, прежде чем обратиться к пустому, безжизненному двору:

— Двенадцатый брат, ты действительно мастерски всё устроил.

Осенний ветер шумел, листья кружились, и в пустынном дворе раздавалось эхо одиночества.

Казалось, здесь не было ни души, но Ли Чжуннань, слегка прищурившись, выглядел совершенно спокойным.

— Я давно слышал, что двенадцатый брат при жизни был скромн и сдержан, но теперь, увидев это своими глазами, понимаю, что это правда, — спустя некоторое время спокойно произнёс Ли Чжуннань. — Ты действительно держишь всё под контролем.

— Ты льстишь мне, — раздался голос из-под засохшего цветочного каркаса слева от Ли Чжуннаня, сопровождаемый странным шорохом. — К сожалению, я живуч и ещё не умер.

Тогда Ли Чжуннань и Сяо Чжоухэн приложили немало усилий, чтобы вытянуть информацию из Сиянь. Однажды, когда Сиянь подменяла кого-то, она случайно встретила Юй Ин в похоронном доме и, заинтересовавшись, стала расспрашивать её. Юй Ин рассказала, что в этом месте часто встречаются влюблённые, и шестой молодой господин, Ли Юньи, поручил ей поймать их с поличным. Сиянь была очень любопытна, и Юй Ин сказала ей дату следующей встречи — восемнадцатое июля.

Итак, Сиянь отправилась в похоронный дом восемнадцатого июля, но в тот день она увидела уже только тело Юй Ин.

Когда позже Ли Чжуннань спросил Ли Юньи, поручал ли он Юй Ин поймать кого-то в похоронном доме, Ли Юньи ответил:

— Юй Ин ранее упоминала, что несколько служанок и слуг в резиденции, похоже, выходят за рамки дозволенного, поэтому я поручил ей разобраться с этим.

Кроме того, Ли Юньи не хотел касаться закрытых зданий за похоронным домом. Там когда-то жили охотники, которых Ли Яньцин и он сам нашли в разных уголках страны, но после падения Ли Юньмо он распустил их, и с тех пор охотничьи уголья Наньшань больше никогда не посещались.

Так у Ли Чжуннаня возникла смелая догадка.

Ли Чжуннань считал, что Юй Шэнхань и Ли Юньи были полными противоположностями. Юй Шэнхань никогда никому не доверял, а Ли Юньи слишком доверял другим — особенно так называемым братским узам.

Ли Юньи хотел забыть, а Ли Юньмо хотел помнить, и хотя он не знал, как ему удалось выжить, он выбрал жизнь в этом позорном месте. Каждую ночь и каждый день тяжёлые удары били его в грудь, заставляя его вырезать это унижение в своём сердце.

В тот день, вернувшись в резиденцию, Ли Юньи прямо сказал ему, что знает о его поддельной личности, но всё же принял Ли Чжуннаня как своего восьмого брата. Когда Ли Чжуннань спросил, почему, Ли Юньи ответил:

— Я ранее заключил с тем мальчиком соглашение, и я никогда не нарушаю своих обещаний.

Так и произошла сцена на банкете восемнадцатого июля.

Нефритовая подвеска была символом его учителя, Цзяншань Юйи, Нефритового целителя Ли Сяньгуя, и именно благодаря ей А-Мэн стал Ли Чжуннанем, восьмым молодым господином

резиденции Ли; и у Ли Юньи тоже была такая же подвеска.

Если бы он не смог её предъявить, в ту ночь он бы точно погиб от меча Цюй Еяна.

— Ты также нашёл людей, чтобы убить Юй Ин и бросить её тело на том пустыре?

Ли Юньмо не стал отрицать:

— Именно так. Если бы не это, когда бы вы обнаружили преступления Ли Юньдэ? Возможно, он бы продолжал бесчинствовать ещё несколько лет. Даже оса может быть ядовита, и, избавляя народ от зла, тебе не нужно меня благодарить.

Авторская ремарка: Линия Инь Цзючу как козла отпущения: главы 21, 23, 26.

<http://bllate.org/book/16134/1444603>